

«Похитители овец с севера Англии»: кланы верховых в Ольстере Роберта Белла

Неприятности последних двадцати пяти лет заставили жителей Ольстера сосредоточиться на своей истории. Они лучше, чем когда-либо, осознают своих предков — гэльцев, норманнов, англичан, гугенотов, шотландцев из низин, шотландцев с гор. Но это сознание пренебрегло и почти забыло об одной особенно влиятельной иммигрантской группе.

Чаще всего их объединяют с низинными шотландцами. Но хотя большинство из них номинально были шотландцами, на самом деле они представляли собой отчетливо однородную расу, происходящую из очень определенного региона со своей собственной уникальной историей и культурой. Сегодня единственным их следом в массовом сознании является то, что многие из них, такие как Армстронг или Эллиотт, Грэм, Джонстон или Белл, к своему притворному огорчению смутно осознают, что их предки были «похитителями овец с севера Англии». Эта фраза, возможно, передаваемая из поколения в поколение, является уютным одеялом, накинутым на дикую и кровавую историю. Предки, о которых идет речь, были кланами верховой езды шотландских границ. Их официальное и наиболее точное название было англо-шотландские пограничники, но эти угонщики были известны под разными именами: пограничники, рейдеры, стальные чепчики, кланы всадников, рейверы.

Основные имена

Они начали прибывать в Ольстер во время плантации семнадцатого века. Среди них были сэры

Джон Хьюм и его брат Александр, которым было предоставлено 3000 акров земли в Фермана. Джон выкупил своего брата и нескольких других и стал крупнейшим землевладельцем Фермана семнадцатого века. Однако подавляющее большинство пограничников приехало в Ольстер не как гробовщики или домовладельцы, а как бедные арендаторы. Таким образом, об их миграции известно очень мало. Но их имена сразу же начинают появляться в записях плантаций. А к 1659 г. в переписи населения Пендера Enis Keli ng For.!!: они перечислены как «основные имена» по всему поселению Армстронг, Джонстон, Эллиот, Ирвин, Грэм, Никсон, Крозье, Белл, Керр. И нигде в переписи они не сконцентрированы так, как в Фермана.

Притяжение было действенным фактором для многих поселенцев-арендаторов, приехавших на плантацию Ольстера; привлечение большого количества земли по дешевым ценам или без арендной платы или с низкой арендной платой. Для очень многих других это был толчок; неудовлетворенность своим положением в Шотландии или Англии. В первые два десятилетия семнадцатого века ни один другой мигрант не чувствовал такого толчка, как пограничники. Для английских и низинных шотландских поселенцев плантация Ольстера, должно быть, казалась очень опасным местом. Для пограничников это было убежищем по сравнению с тем, от чего они стремились убежать, — «умиротворением» их родины Яковом VI из Шотландии / Яковом I из Англии. К началу семнадцатого века шотландские границы уже триста лет были домом для уникальной и самобытной социальной системы. В течение всего этого периода между Шотландией и Англией велись войны из-за границ, которые были разорены, и неоднократно опустошали наступающие и отступающие армии, то английской короны, то шотландской. Отчасти из-за вызванной этим нестабильности, а отчасти из-за возможностей, открытых для жителей любого приграничья где угодно, шотландские границы быстро стали, а затем и остались незаконными. За три века до этого, когда этот регион превратился в арену кровопролитной национальной войны, пограничники обнаружили, что чувство патриотизма было не только роскошью, но и препятствием на пути к выживанию. В таких условиях единственной социальной структурой, которая могла обеспечить безопасность, было родство. Затем в Бордере возникла сложная сеть больших или меньших семей, не кланов в гэльском смысле, пропитанных древней культурой, а кланов в более мафиозном смысле, существующих за счет интриг и силы оружия.

Конец эры

В дни, последовавшие за знаменитой поездкой Роберта Кэри из Лондона в Эдинбург, чтобы сообщить Джеймсу о его восшествии на английский престол, вспыхнули шотландские границы. Во время того, что впоследствии стало известно как «Третья неделя», кланы воспользовались периодом междоусобицы, вырвались на свободу вдоль всей границы и совершили набеги в глубь Англии в поисках грабежа. В частности, было отмечено, что Грэмы допускают величайшие вольности. По иронии судьбы это последнее великое выражение образа жизни клана верховой езды совпало с подчинением Хью О'Нила и гэльского Ольстера власти английской короны в Меллифонте. То, что теперь произошло между Лондоном и Эдинбургом, заключалось в том, чтобы отправить сломленный огузок того, что когда-то было кланами, в Ольстер и, в частности, в Ферману. Беззаконие на шотландских границах закончилось. Для Джеймса Шотландские границы теперь представляли его «Средние графства», через которые он должен был путешествовать между своими дворами. Все шесть маршей теперь находились под его единой юрисдикцией. Поучительно, что перед сложнейшей задачей объединения двух наций его первым политическим решением было «умиротворение» границ. Они были занозой в его

боку на протяжении всего его правления, и, всегда питая «особое уважение к маркизам и бордури», он постановил, что «самая суть паруса не должна оставаться в нерешительности». «Умиротворение» проводилось беспощадно. Клановые кланы ответили в своей проверенной временем манере, но против сил двух государств, собранных в одной власти, это был только вопрос времени. Тем, кто был «людьми беззакония, которые будут шотландцами, когда захотят, и англичанами, когда им захочется», негде было спрятаться. Потребовалось семь лет, чтобы полностью установить верховенство закона на границах, но работа была нарушена всего за четыре года. Только за первый год было расстреляно почти 200 главных преступников, лидеров кланов. Тридцать два Армстронга, Бэтиса, Эллиота, Джонстона и других были повешены. Еще пятнадцать были отправлены в ссылку, а 140 объявлены вне закона, и только в этом году 2000 шотландцев покинули регион, чтобы сражаться на стороне голландцев в их войне с Испанией.

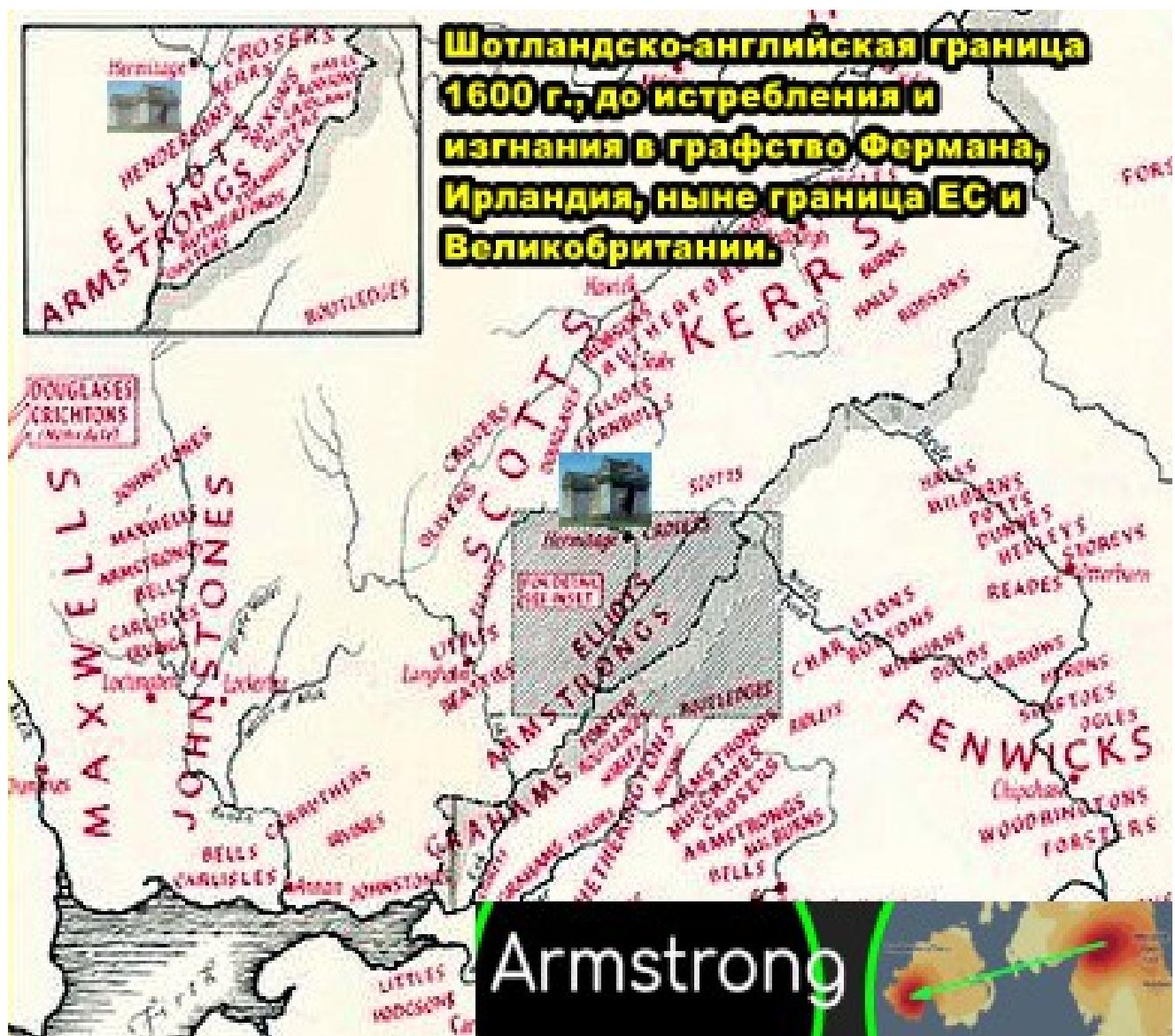
Трансплантация

В этом страшном погроме ни одна семья не пострадала так, как Грэмы. Отчасти потому, что они были самым ненавидимым кланом по обе стороны границы, а отчасти потому, что их земли в Эскдейле были одними из самых плодородных в Марке, с ними обращались наиболее жестоко. Пограничной комиссии были даны особые указания по борьбе с «злоумышленниками по имени Грэм». Их земли были конфискованы, их выслеживали, казнили и сотнями перевозили. Их судили и повесили за их действия во время «больной недели», за которые якобы было даровано всеобщее помилование, и Комиссия искала в архивах любое преступление, за которое их можно было бы привлечь к ответственности. В 1606 году из жалких остатков Грэмов, оставшихся в Эскдейле, Комиссия перевезла пятьдесят семей в Роскоммон. В течение двух лет их плантация распалась, и Грэмы рассеялись. Хотя многие вернулись домой, достаточное количество из них вызвало такие проблемы по всей Ирландии, что было предложено собрать их и перевезти в Ольстер. У ирландского лорда-наместника хватило ума оставить их «рассредоточенными», ибо, если их «поселить вместе на какой-либо земле, следующая страна сочтет их плохими соседями». Те роскоммоны Грэмы, которые разыскивали родственников в Ольстере, должно быть, были утешены количеством пограничников, которых они нашли уже устроившимися в графствах плантаций, а также в Антриме и Дауне, и потоком других, неуклонно прибывающих. Хотя некоторые из них были английскими пограничниками, первый взгляд на карту фамилий границ показывает, что большинство тех, кто приехал в Ольстер, были выходцами из шотландских маршей, и в частности с Запада и Среднего, самых суровых и бурных из них. вся граница.

Новый рубеж

Их численность очень трудно оценить, но они были велики. Например, во время восстания 1641 года только 260 Джонстонов были зачислены под командование сэра Уильяма Коула в Эннискиллене. Фермана заполнил пограничники в течение тридцати лет. Их имена появляются повсюду в ольстерских записях первой половины семнадцатого века, но почему они так сконцентрировались в Фермана? Правда, двоим из семьи великих пограничных лордов Хьюмов были дарованы там земли. Но уникально то, что Хьюмы были королевскими фаворитами и осуществили умиротворение в Восточной Марке. Возможно, дело в том, что Фермана, находящаяся на границе Плантации, соответствовала менталитету пограничников. Возможно, они были так далеки от своей родины, Эдинбурга и Лондона. О влиянии, которое они имели там и в других местах Ольстера, можно только догадываться. Две истории говорят о том, что это было здорово. Во-первых, несмотря на то, что поселения плантаторов в других пяти графствах с плантациями были разрушены во время восстания 1641 года, в его конце в Фермане все еще

преобладали названия шотландских пограничников. Либо прячась в Эннискиллене во время восстания, либо отправляясь в папоротник, как это делали их предки на протяжении поколений, они выжили. Молодому малоукомплектованному гарнизону гражданских равнинных крестьян и английских йоменов они принесли в своей крови навыки ведения войны низкой интенсивности, изготовления оружия и проектирования укреплений.

Номинально католик

Второй факт обеспечивает поворот истории и в некоторой степени объясняет религиозную историю Фермана, поскольку шотландцы-пограничники были католиками. Реформация не смогла проникнуть в столь беззаконный край. Точнее, номинально они были католиками. На практике они были безбожниками. Путешественник шестнадцатого века в том, что было известно как «кабина» границ, не найдя церкви, спросил пограничника: «Есть ли христиане в Лиддесдейле?». На что ему ответили: «Нет, мы все Эллиоты и Армстронги!» Для пограничников религия не могла сыграть никакой роли в их вкладе в ранние события конфликта в Ольстере. Действительно, в некоторых частях Фермана, заселенных пограничниками, до конца семнадцатого века вообще не строились церкви. Итак, мы имеем их, безбожников, номинально католических, в политической среде, где никакие отношения со Всевышним не могут быть прочными навсегда. Через столетие для них стало бы политической необходимостью стать протестантами. Будучи политическим решением, свободным от догматов веры, церковь, в которой находилась вся власть, была очевидным местом для поклонения. Это отчасти объясняет, почему протестантская Фермана стала и остается твердой церковью Ирландии, единственной из

северных графств, где пресвитерианство не доминирует, к продолжающемуся недоумению историков. Упорство этих людей в том, чтобы пережить восстание 1641 года и далее в Фермана, подтверждается статистикой фамилий плантационных округов в наши дни. В Каване, Донегале и Тайроне все пять самых многочисленных имен — ирландские. В Арме и Дерри в первых пяти именах есть не более одного плантатора. В Фермане, напротив, три из самых многочисленных названий графств происходят от шотландского Запада или шотландских средних маршей шотландских границ. По порядку пять имен: Магауйр, Джонстон, Армстронг, Макманус и Эллиотт.

Забытое наследие

Почему память об этом народе должна была исчезнуть из народного сознания Ольстера? В случае многих из них имена не были характерны для границ и вскоре смешались с именами тезок из Галлоуэя или Йоркшира или даже с теми гэльскими ирландскими семьями, которые адаптировали свои имена путем англизации. Пограничники были прагматичным народом и, в отличие от гэлов, норманнов и гугенотов, не отличались ни грамотностью, ни интересом к происхождению. Возможно, они думали, что дурную репутацию, которая им предшествовала, лучше забыть. Их история как номинальных католиков, возможно, была той, которую, по их мнению, лучше скрывать. Возможно, воспоминание о семи годах безжалостного умиротворения Границ могло быть излечено только коллективным забвением прошлого и упорным освоением новой земли земледельцами, земледельцами и протестантами. новое политическое тело. Браконьеры превратились в егерей, они больше не были преступниками и стали ключевыми пехотинцами в гарнизоне. В целом протестанты в современном Ольстере относительно мало знают об истории своих имен. Нет никого более невежественного, чем те, кто до сих пор носит некогда внушающие страх имена кланов верховой езды шотландских маршей. Хотя умиротворение разрушило родовую систему и всю социально-экономическую инфраструктуру региона, оно не избавило Границы от имен. Сегодня самое распространенное имя в телефонной книге Карлайла — не Смит, а Грэм, а сами кланы Всадников помнят, особенно в Шотландии, благодаря романам сэра Вальтера Скотта о границе. Он сам был потомком Скоттов, последних Стражей шотландской Западной Марки, которые устроили там погром, как это сделали Хьюмы в Восточной Марке. Но Ольстер не помнит их, равно как и пограничники забыли, что у них много кузенов на севере Ирландии. Словно этот хозяин покинул свою родину, тотчас же забыл ее и тотчас же был ею забыт.

Жесткие мужчины

В этой истории, безусловно, достаточно, чтобы предложить рабочую гипотезу о том, что шотландцы-пограничники были крепкими людьми плантации и обеспечили решающую закуску для посредственного гарнизона по всему поселению. В частности, они владели Эннискилленом в 1640-х годах, а их сыновья и внуки Джеймса VI из Шотландии от Адама де Кона (ПРЕДВИДЕТЕЛЬСТВА ШОТЛАНДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ ПОРТРЕТОВ) снова владели им во время кампании вильгельмов. Если бы тогда пал Эннискиллен, выстоял бы Лондондерри?

Роберт Белл является куратором политической коллекции Северной Ирландии в библиотеке Linen Hall Library в Белфасте.

Дальнейшее чтение:

Р. Белл, Книга фамилий Ольстера

(Белфаст, 1988 г.).

Г.Ф. Фрейзер, «Стальные шляпы»: история

англо-шотландские пограничные рейверы (Лондон

1989).

П. Ливингстон, История Фермана:

задокументированная история графства

Фермана с древнейших времен до

наши дни (Эннискиллен, 1969).

Б.С. Тернер, «Наблюдение за поселенцем

имена в Fermanagh», в Clogher Record

8/iii (1975).